

Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй в контексте европейской пенитенциарной мысли*

Светлана Васильева

Академия ФСИН России,
Рязань, Россия

The Draft of Catherine II's *Penal Regulations* in the Context of European Penitentiary Thought

Svetlana Vasilieva

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryazan, Russia

This article considers the “penitentiary turn” in the ideological content of Catherine II’s penal policy, i. e. the transition from the punitive orientation of justice to the principle of rehabilitation by means of punishment. The author mostly refers to *The State of the Prisons of England and Wales* (1777), a fundamental work by English philanthropist and penologist John Howard and Empress Catherine II’s handwritten draft of the *Penal Regulations* (1787). Relying on the techniques of intellectual history, the article aims to analyse the polemical, historiographical, and legal assessments of Catherine’s legislative initiatives and review debatable issues. The consideration of the ideological content of the *Penal Regulations* in the context of eighteenth-century European (mainly English) penitentiary thought makes it possible to perceive it as an attempt to systematise and summarise the best practices of European countries based on the “principles of love and mercy”. The author compares Catherine’s penitentiary ideas and the basic principles of organising prison affairs promoted by John Howard. The author concludes that their basic positions are similar and were later embodied in the modern principles of the philosophy and practice of corrective punishment. However, the main concepts of penitentiary reform in Howard’s writings are characterized by a personal-psychological approach, with

---

* *Citation*: Vasilieva, S. (2022). The Draft of Catherine II’s *Penal Regulations* in the Context of European Penitentiary Thought. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 168–184. DOI 10.15826/qr.2022.1.665.

Цитирование: Vasilieva S. The Draft of Catherine II’s *Penal Regulations* in the Context of European Penitentiary Thought // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 168–184. DOI 10.15826/qr.2022.1.665 / Васильева С. Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй в контексте европейской пенитенциарной мысли // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 168–184. DOI 10.15826/qr.2022.1.665.

a pronounced focus on the moral and religious conversion of convicts in the conditions of a rehabilitating imprisonment. The project of the Russian empress is distinguished by a strictly state approach, increased attention to economic issues, and the problem of the establishment of a penitentiary service. In the era of Catherine II, Russian penal policy became systematic and elaborated, with expressed intentions of correction by punishment. The Russian penitentiary apparatus began to take on the appearance of a system with a clear centralised structure.

Keywords: penitentiary reforms, eighteenth century, Catherine II, John Howard, *Penal Regulations, The State of the Prisons of England and Wales*

Рассматривается «пенитенциарный поворот» в идейном содержании уголовно-исполнительной политики Екатерины II, который выразился в переходе от карательной направленности правосудия к принципу исправления наказанием. Основными источниками являются фундаментальный труд английского филантропа и пенолога Джон Говарда «Состояние тюрем Англии и Уэльса» (1777) и собственноручный проект «Устава о тюрьмах» императрицы Екатерины II (1787). Цель работы – проанализировать полемические историографические и историко-правовые оценки законодательских инициатив императрицы и предложить корректировку дискуссионных позиций с учетом разработок метода интеллектуальной истории. Рассмотрение идейного содержания проекта «Устава о тюрьмах» в контексте передовой европейской (преимущественно английской) пенитенциарной мысли XVIII в. позволило трактовать его как попытку законодателя систематизировать и обобщить передовой опыт европейских стран в области совершенствования системы уголовных наказаний на «началах любви и милосердия». Сопоставление пенитенциарных идей Екатерины II и основных принципов организации тюремного дела, продвигавшихся Джоном Говардом, позволяет сделать вывод о сходстве базовых позиций, воплотившихся в дальнейшем в общепринятые принципы философии и практики исправительного наказания. Однако формулировка основных концептов пенитенциарной реформы в трудах Говарда несет отпечаток личностно-психологического подхода, в них ярко выражены проблемы нравственного и религиозного обращения осужденных в условиях реформирующего тюремного заключения. Проект российской императрицы отличают строго государственный подход, повышенное внимание к хозяйственным вопросам и проблеме формирования нового вида государственной службы. В Екатерининскую эпоху мероприятия в сфере исполнения наказаний стали носить характер хорошо продуманной государственной политики, имеющей не столько карательный, сколько исправительный вектор, а тюремное дело начало приобретать вид системы, которой императрица стремилась придать четкую централизованную структуру.

Ключевые слова: пенитенциарные реформы, XVIII век, Екатерина II, Джон Говард, «Устав о тюрьмах»

В 1781 г. Российскую империю посетил знаменитый англичанин – врач, филантроп и реформатор тюрем Джон Говард. Биографы Говарда, опираясь на воспоминания его друзей [Aikin; *Memoirs of the Public and Private Life of John Howard*], сообщают, что англичанин был приглашен ко двору Екатерины II, но отклонил приглашение, заметив, что «had devoted himself to visit the prisons of the captive, and not the courts or the palaces of kings» («посвятил себя посещению тюрем и узников, а не дворцов и королевских особ») [The Life of John Howard, p. 303; *Memoirs of John Howard*, p. 164]. Попытки обнаружить в отечественных архивах следы дерзкого ответа именитого филантропа или хотя бы самого приглашения успехом не увенчались. Тем не менее, хотя аудиенция реформатора у императрицы не состоялась, именно в этот период отечественный правительственный курс в отношении исполнения наказаний начал меняться, а в русле карательной уголовной политики стали зарождаться исправительные тенденции.

Анализируя такой кардинальный поворот, связанный с законодательными инициативами Екатерины II, дореволюционный правовед М. Филиппов отметил, что принципы пенитенциарной политики императрицы «определили все европейские законодательства почти на целое столетие», и здесь же добавил, что «до настоящего времени не сделана надлежащая оценка тем великим началам любви и милосердия, которые внесены в наше уголовное правосудие великою преобразовательницею» [Филиппов, с. 60]. В аналитическом предисловии к публиковавшемуся на страницах «Русской старины» собственноручному «Уставу о тюрьмах» Екатерины II (1787) Филиппов назвал законопроекты императрицы («Наказ Уложенной комиссии», «Учреждение об управлении губерниями», «Устав о тюрьмах» и др.) первыми отечественными документами, в которых «на заключенных глядят с точки зрения человеколюбия» [Там же]. Среди главных новелл наказа правовед особо выделил отмену пыток и тюремного заключения для должников, введение рационального тюремного содержания в систему уголовных наказаний и практику разделения осужденных на категории.

В сфере исполнения уголовных наказаний Филиппов относит к передовым такие практические мероприятия, как организация содержания заключенных за счет государственных средств, а также учреждение смиренных и рабочих домов, в которых юрист обнаружил «правильную пенитенциарную систему» [Там же, с. 61]. Автор сетует, что все эти «лавры» современная ему наука не признала за «великой государыней», а приписала иностранцам, в частности «знаменитому Говарду». Завершая апологетику в адрес Екатерины II, он выражает надежду, что текст устава займет «по справедливости одно из самых видных мест не только в истории права, но и в пенитенциарной науке» [Там же, с. 65].

Подробный разбор интересующего нас документа предпринял один из самых известных советских историков М. Гернет в первой

части пятитомного издания «История царской тюрьмы» (1951). В советской историографии обозначился концептуальный разрыв с «буржуазной карательной системой», а идеи европейских просветителей – основоположников пенитенциарного дела были подвергнуты жесткой критике. Наказ Екатерины II признали всего лишь «литературным памятником», куда она включила в несколько приглушенном виде идеи итальянского правоведа Чезаре Беккариа (1738–1794) в области уголовного права, что впоследствии позволило отечественным криминалистам, «проповедуя взгляды Беккариа, делать по цензурным соображениям ссылки не на книгу этого просветителя, а на екатеринский наказ» [Исаев, с. 30]. В русле нового идеологического курса Гернет заклеил нормотворчество Екатерины II в области тюремного дела как «мертворожденное проектирование», «громкими, напыщенными фразами прикрывающее самую тяжелую фактическую действительность», «несбыточное фантазирование, в реальность которого, конечно, не верила и сама Екатерина» и которое «писала для своей рекламы» [Гернет, с. 68–69]. Гернет также связывает проект императрицы о тюрьмах и приезд Говарда в Россию, подчеркивая, однако, что своим показным реформаторством государыне «не удалось “обойти” Говарда с той легкостью, с какой она заручилась благорасположением Вольтера и Дидро» [Там же, с. 67].

В современном исследовательском дискурсе маятник историко-правовой оценки инициатив Екатерины II в области тюремного дела вновь качнулся к признанию «человеколюбия» и реформаторских новаций в области пенитенциарного права. «Проект тюремного устава – наказ императрицы Екатерины II, – пишет современный юрист Н. Шурухнов, – являлся обстоятельным своевременным организационно-правовым документом Российской империи», который «определил эпоху» [Шурухнов, с. 81]. Однако, отстаивая самобытность проекта и оспаривая влияние европейской пенитенциарной мысли на его идейное содержание, Шурухнов слово в слово повторяет аргументацию Филиппова полуторавековой давности и, пытаясь связать это с современными трендами, пишет, что «и здесь европейцы “преуспели”, упрекая правителей России» [Там же, с. 73].

Таким образом, историографические оценки правотворчества Екатерины II в области тюремного реформирования варьируют в широком диапазоне от позиции признания «великих начал любви и милосердия в уголовном правосудии» до стигмы «мертворожденное проектирование». Открытым остается вопрос авторства некоторых передовых пенитенциарных идей.

С идейными источниками десятой главы наказа [ПСЗ-1, т. 18, № 12949], посвященной основам уголовной политики государства, историки и правоведы, как дореволюционные и советские, так и современные, определились практически единогласно. В своих обезличенных заимствованиях из работы Ш. Монтескье «О духе законов» Екатерина сама признавалась в письме к Д'Аламберу [Собственно-

ручное черновое письмо Екатерины II, с. 31]. Искомую главу и работу итальянского просветителя Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» исследователи буквально разобрали на цитаты, чтобы обозначить оригинальный текст и вариацию в тексте наказа [Омельченко, с. 518]. Воспользовавшись экспрессивной терминологией Гернета, предположим, что Екатерина и не пыталась в данном случае «обойти» Беккариа, выдав его взгляды на природу преступления и наказания за свои собственные. Отечественный биограф Ч. Беккариа П. Левенсон так отозвался о резонансном эффекте труда молодого итальянца: «Идеи, впервые высказанные в этой небольшой книжке, нашли радостный отклик в сердцах незабвенных умственных двигателей конца XVIII столетия, были с восторгом приветствованы французскими энциклопедистами, проникли в царские чертоги и вскоре вошли в лучшие кодексы передовых народов Европы» [Левенсон, с. 5]. Заимствование передовых идей, которые взбудоражили лучшие европейские умы и серьезно повлияли на оформление теоретико-методологических основ новой уголовно-исполнительной политики, сделало честь российскому просвещенному абсолютизму. Отметим также оперативность, с которой классические принципы современного уголовного права, изложенные итальянским просветителем, были адаптированы Екатериной II и включены в наказ. Ч. Беккариа опубликовал работу в 1764 г., первый перевод книги на французский язык аббатом Мореллэ, которым руководствовалась государыня, появился в России в 1766 г., знаменитый «Наказ Уложенной комиссии» увидел свет меньше, чем через год.

Цель уголовного наказания определяется наказом достаточно четко: «воспрепятствовать наказанному снова сделаться вредным обществу»², а виновному искупить «трудами целой жизни нанесенный им обществу вред» [ПСЗ-1, т. 18, № 12949]. Так в интеллектуальном контексте российского просвещенного абсолютизма проявилось качественно новое и, без сомнения, актуальное направление уголовно-исполнительной политики государства – *исправление наказанием*, которое в современном юридическом дискурсе принято обозначать как *пенитенциарное содержание*. Данное понятие, терминологически восходящее к понятиям церковного покаяния и наказания³, появилось в рассматриваемую эпоху в европейских практиках исполнения уголовных наказаний и определило границы новой социальной структуры – исправительной тюрьмы-реформатория, целевыми назначениями которой, наряду с карательной функцией, являлись исправление осужденных (изначально трактовавшееся как *покаяние*, то есть раскаяние в совершенном преступлении) и профилактика криминального рецидива.

---

² У Беккариа: «Цель наказания... заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий» [Беккариа, с. 105].

³ *Poenitens* (лат.) – раскаивающийся, покаянный.

Понятие пенитенциарного содержания последовательно входит в тезаурус российского законодательства и теорию права только во второй половине XIX в., однако в эпоху Екатерины II в отечественных практиках исполнения уголовных наказаний уже появляются одноименные концепты. Современный историк Е. Марасинова, исследуя механизмы использования государственной властью *наказания покаянием* в XVIII в., отметила, что «лишь с началом правления Екатерины II все отчетливее начинает проследиваться мотив необходимости исправления преступника» [Марасинова, с. 98]. Именно в 1770–1780-х гг. по инициативе государыни наказание покаянием становится неотъемлемой частью высочайших конфирмаций по уголовным делам «за смертные вины». Практики наказания с использованием возможностей русских монастырей позволяли сочетать карательную функцию заключения, исправительную миссию духовного надзора и потенциал принудительного труда [Там же, с. 102–103].

Наказ 1767 г. с большей очевидностью обозначил эволюцию принудительного труда от карательной меры к основному средству исправления арестантов, поэтому закономерным этапом стало возникновение в России первых тюремных учреждений исправительного характера, в которых Филиппов увидел «уже правильную пенитенциарную систему», – смирительных и рабочих домов. В «Учреждении об управлении губерниями» (1775) содержатся первые указания к устройению таких домов под ведомством Приказа общественного призрения:

В рассуждение установления и надзирания Смирительных домов Приказу предписывается учреждать оные со всяким прилежанием, дабы установление совершенно соответствовало намерению, ибо доброучрежденный Смирительный дом ограждает общество от многих дерзостей, добронравие повреждающих, и, следовательно, бывает нужен для общего благочестия и спокойствия семей [ПСЗ-1, т. 20, № 14392].

В 1781 г. были учреждены и другие исправительные заведения – рабочие дома «с назначением в них работ, для пользы общей потребных», куда предполагали помещать преступников, осужденных за мелкие кражи, грабежи и мошенничество [Там же, т. 21, № 15147]. Датировка закона о появлении смирительных домов дала Филиппову, а за ним и другим исследователям-юристам основания приписать первенство учреждения «правильной пенитенциарной организации» Екатерине II, прибегнув к не вполне корректной и исторически выверенной аргументации.

Филиппов ссылается на 1777 г. – дату первой публикации знаменитой книги Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», которая получила мировую известность как первое эмпирическое исследование в области пенологии. Еще при жизни реформатора труд был переведен на некоторые европейские языки. Во время первого

путешествия по России Говард писал из Москвы своему другу пре-подобному Смиуту в Бедфорд и ссылался на обещание «первых лю-дей королевства» перевести и напечатать его труд на русском языке (“...as the first men in the kingdom assured me my publication would be translated into Russian as soon as it was in print”) [Memoirs of John Howard, p. 173]. Этому обещанию не суждено было исполниться, тем не менее, издание Говарда появилось в России во французском пере-воде в 1784 г., а в 1791 г. журнал «Театр судоведения» напечатал пере-вод первых секций книги, где содержались основные предложения по усовершенствованию тюрем. Труд Говарда принес известность Гентской тюрьме и реформатору виконту Вилену, который в 1771 г. организовал тюремное заключение на принципах исправительно-го труда и деления арестантов на категории. Филиппов утверждает, что «Учреждение об управлении губерниями» получило силу закона в 1775 г., а составлено было гораздо раньше, следовательно, Екате-рина II никак не могла знать о гентском пенитенциарном эксперименте, а значит, смирительные и рабочие дома как тюремные учреждения нового типа – плод ее «самостоятельного гения».

Искажение исторических фактов состоит в том, что подобные за-ведения, имевшие выраженную цель *нравственного исправления*, по-явились в европейской практике гораздо раньше. Аналогом смири-тельного дома стал английский Исправительный дом, или Брайдуэлл (House of correction, Bridewell), возникший еще в XVI в. В зарубежной историографии исправительные дома рассматриваются как *особый со-циальный институт*, созданный с целью борьбы с важнейшими со-циальными девиациями раннего Нового времени – бродяжничеством, мелким воровством и так называемыми преступлениями против нрав-ственности. В основе этого полублаготворительного/полукараательного учреждения была заложена чисто просветительская идея о возможно-сти *исправления* антиобщественного поведения. Аналогами англий-ского Брайдуэлла можно считать голландский «Цухтхауз», созданный в 1596 г., монастырскую тюрьму Сен-Мишель, возведенную в Риме в 1703 г. по приказу папы Климента IX [Webb S., Webb V., p. 116]. Эти заведения, изначально созданные для «борьбы с безнравственностью и пороком», впоследствии оказывали разнообразную социальную по-мощь беднякам в лечении, трудоустройстве, уходе за тяжелобольны-ми, призрении сирот. Обратим особое внимание на тот факт, что рос-сийские смирительные и рабочие дома также находились в управлении Приказа общественного призрения – губернского учреждения, ведав-шего социальной защитой и благотворительностью.

В начале XVIII в. брайдуэллы постепенно становятся частью ан-глийской пенитенциарной культуры. Актом 1706 г., который со-временники именовали «Законом о тяжком труде», исправитель-ные дома де-юре были включены в систему исполнения уголовных наказаний, а судьи получили право приговаривать к содержанию и принудительному труду в них за преступления мелкой и средней

тяжести. Современный исследователь Ф. Хардман отмечает популяризацию «домов коррекции» и практики исправительных работ в XVIII в. в ведущих европейских странах: к 1780 г. в Англии насчитывалось 172 исправительных дома, в Голландии – 19, в Германии – 44 [Hardman, p. 80]. Знаменитый отечественный правовед и коллега М. Филиппова П. Фойницкий объективно оценивал роль и значение домов коррекции и рассматривал их появление в Англии, Германии, Голландии и Италии в XVII в. в качестве зародыша будущей пенитенциарной системы. «Эти впоследствии забытые учреждения были провозвестниками тюремной реформы в Западной Европе», – пишет ученый-пенитенциарист с мировым именем [Фойницкий, с. 309–310]. К началу XVIII в. исправительный дом стал неотъемлемой частью социального пространства европейского города, поэтому приписывать Екатерине II или даже виконту Вилену честь создания этой пенитенциарной организации не совсем корректно. Однако осведомленность государыни о европейских методах борьбы с социальными девиациями эпохи раннего капитализма – бродяжничеством, мелкой преступностью, преступлениями против нравственности, а также попытка внедрения нового социального института, нацеленного на «огорождение общества от многих предрозостей, добронравие повреждающих», вполне соответствуют духу просвещенного абсолютизма, сопровождавшему начало ее царствования.

Определенное стремление следовать европейским пенитенциарным новациям можно также обнаружить в законодательном акте, впервые предусматривавшем организацию духовного попечения о заключенных. В Российской империи постановлением Сената от 17 января 1765 г. «Об увещевании и исповедании колодников и обозначении в присылаемых ведомостях, сколько в которой после исповедано» предписывалось направлять в тюрьмы священников для нравственных бесед с арестантами [ПСЗ-1, т. 17, № 12312]. Увещеватели из священнослужителей были призваны не только добиваться от преступников покаяния или раскаяния, но и выступать в качестве дознавателей, побуждая к добровольному изложению обстоятельств совершения преступления [Марасинова, с. 96]. В передовых европейских странах в течение XVIII в. тюремный капеллан постепенно стал неотъемлемой частью обязательного штата любого тюремного учреждения. Первый законодательный акт, официально регламентировавший функции капеллана как сотрудника тюрьмы, появился в Великобритании в 1773 г., однако в статистическом исследовании европейских тюрем, предпринятом Говардом в 1770-х гг., факты наличия тюремного капеллана, часовни или церкви в тюрьме или исправительном доме зафиксированы им уже практически во всех европейских странах.

Екатерина II с первых лет царствования последовательно стремилась вносить в уголовно-исполнительную политику принципы гуманизма и просвещения, и проект «Устава о тюрьмах» не стал результа-

том посещения России «самим Д. Говардом», как пишет, к примеру, И. Упоров [Упоров, с. 25]. Однако согласимся с исследователем в том, что в проекте «учтен (позаимствован) опыт организации тюрем в европейских странах» [Там же, с. 26].

Впервые собственноручный проект «Устава о тюрьмах» императрицы Екатерины II был извлечен из ее архивов и опубликован М. Филипповым в 1873 г. Комплекс предложений, регламентирующих работу тюрем, можно условно разделить на предписания по *организации тюремного пространства* (виды тюрем, внешнее и внутренне устройство зданий, хозяйственное обеспечение, больницы), *распорядку работы* (прием, содержание и охрана арестантов, хранение вещей; организация быта, питания, лечения, занятий) и *требованиям к тюремному персоналу*. Первые 20 параграфов описывают виды тюрем и их предполагаемое устройство. Губернские тюрьмы делились на уголовные и гражданские (§ 1), в свою очередь, уголовная тюрьма – на отделения для «приговорных» (приговоренных), «подстражных» (подследственных) и осужденных (§ 3–4). Каждое отделение обязательно предусматривало мужскую и женскую горницы (§ 4, 9–10) [Филиппов, с. 60–67].

В системе императрицы, предусматривавшей разные виды тюрем, Филиппов увидел главное отличие от «системы Говарда», который говорил «о разных отделениях в одной и той же тюрьме» [Там же, с. 63–64]. На наш взгляд, это не делает проекты Екатерины II и английского филантропа кардинально отличными друг от друга, поскольку в основу обоих положен принцип строгого деления арестантов на категории: отделение подследственных от осужденных, мужчин – от женщин, малолетних – от рецидивистов и т. п. Сепарацию арестантов считают краеугольным камнем предложений Говарда по управлению тюрьмами. Филантроп высоко отзывался о системе «молчания и разделения», наблюдавшейся им в тюрьме Ватикана, и для английских пенитенциарных учреждений предлагал режим одиночного содержания там, где есть возможность его обеспечить, в противном случае настаивал на том, чтобы всевозможными средствами разделять арестантов на ночь [Howard, p. 22]. Несколько параграфов проекта Екатерины также обязывают тюремщиков, «пока пустые горницы есть, то всякого приговорного сажать особо» (§ 39, 43) [Филиппов, с. 72]. Однако саму идею разобщения арестантов нельзя приписывать ни императрице, ни Говарду, так как она появилась в предложениях просветителей и интеллектуалов гораздо раньше второй половины XVIII в.

Так, доктор Томас Брей, инспектировавший главную тюрьму Лондона Ньюгейт, еще в 1701 г. предлагал по возможности содержать каждого заключенного отдельно, как это практиковалось в больнице Бедлам, выступал за первостепенное отделение осужденных мужчин от женщин, а также за то, чтобы «новоприбывших огородить от разврата со стороны старых и неисправимых заключенных» [Bray, p. 36]. За одиночное заключение в свое время высказывались англичане

Б. Мандевиль (1725), Г. Филдинг (1751), Дж. Хэнвей (1775). Таким образом, и Екатерина II, и Говард выказали приверженность данному принципу, сформированному в интеллектуальном контексте европейских пенитенциарных реформ в течение XVIII столетия. Оговорки «где есть возможность его обеспечить» и «пока пустые горницы есть» выдают практицизм реформаторов, которые отдавали себе отчет в том, что тюремное дело никогда не являлось первостепенной статьей государственного финансирования, и в провинциях скорее всего пришлось бы приспособлять имеющиеся здания, а не проектировать новые.

Примечательная особенность проекта Екатерины II – повышенное внимание к медицинской части и санитарно-гигиеническим условиям. Обращает на себя внимание количество пунктов, в которых регламентированы работа тюремной больницы и порядок лечения арестантов: из ста параграфов опубликованного проекта практически четверть (24!) посвящены вопросам медицины, санитарии и гигиены. «Вольный воздух» и «текучая вода» – обязательные условия для устройства тюремного замка (§ 7), как и «перемена воздуха открытием окон», в том числе и зимой (§ 30, 78) [цит. по: Филиппов, с. 66, 70, 81]. Интересно, что Говард тоже начинает излагать свои предложения с инструктивного изложения санитарных норм тюремного содержания: насос для поставки чистой воды, баня с котлом для подогрева и оборудованным местом для стирки, лазарет, система циркуляции воздуха [Howard, p. 23]. Профессиональные комментарии по организации тюремного быта выдают в английском реформаторе врача-эпидемиолога, который в буквальном смысле посвятил жизнь изучению механизмов распространения сыпного тифа⁴ и выработке предложений по купированию и лечению болезни. Осознавая основное условие передачи «повальных» заболеваний – массовое скопление людей в замкнутом пространстве, Говард выступал за максимально возможное их разобщение. В проекте Екатерины II один из параграфов также предусматривает «отлучение прилипчивых болезней от прочих» (§ 93) [цит. по: Филиппов, с. 84]. Активная вовлеченность врачей в дискуссии о необходимости кардинального переустройства тюремного пространства стала характерной особенностью английских пенитенциарных реформ. И здесь, на наш взгляд, усматривается попытка Екатерины II не обойти Говарда, а максимально учесть рекомендации общепризнанных профессионалов в данном вопросе.

Заслуживает отдельного внимания регламентация работы тюремного персонала. XVIII столетие можно рассматривать как рубеж между практикой «кормления» тюремщиков за счет своей должности и формированием государственной пенитенциарной службы. Основные упреки к должности смотрителя, которые неизменно встре-

---

⁴ Эпидемический сыпной тиф – современное название заболевания. В XVI–XVIII вв. диагностировался как «тюремная лихорадка» (англ. *jail fever*; *gaol distemper*). Именно от этой болезни после посещения казарм с больными солдатами Говард умер в Херсоне в 1790 г.

чаются в дискурсе европейских реформ начиная с XVII в., можно условно разделить на критику «кормовых взносов» в пользу надзирателей (в русскоязычном лексиконе – «влазного») и претензии к их моральному облику. Европейские тюрьмы, в особенности долговые, часто отдавались на откуп частным лицам, которые, соответственно, обеспечивали доходность своего предприятия не самыми гуманными способами. Упомянутый выше Т. Брей отметил, что за определенные финансовые подношения тюремщик мог оказать целый спектр «аморальных услуг», к которым он отнес разрешение «использовать» женщин-арестанток, продажу алкоголя, поощрение азартных игр и роскоши. Именно Брей за полстолетия до Говарда настоятельно рекомендовал отнести службу тюремщиков к государственной сфере: «Чтобы офицеры не брали никаких денег, кроме их жалованья, в оплату привилегий для заключенных» [Bray, p. 36].

По проекту Екатерины II тюремное дело впервые приобретает черты государственной службы (§ 65–88) [Филиппов, с. 77–83]. В данном случае иностранным реформаторам можно было бы поучиться у российской императрицы: ею детально регламентированы обязанности старших и младших чинов, выстроена вертикаль подчинения, должное внимание уделено строгому запрету на взятки (§ 76, 84) [Там же, с. 81, 82]. § 70 – текст уникальной присяги тюремных служащих, предложенный императрицей:

Аз ниже именованный обещаю перед всевидящим Богом чистосердечно, что хочу и должен всеми силами своими отправлять стражу над тюремными так, как мне в должность предписано, и оную преступать и упущать не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицепрятия. Определенное тюремным пищу, житие, одежду и проч. содержание доставлять без малейшего ущерба; сурово с ними поступать не буду, но человеколюбиво, без послабления; подарков, посул и взятков ни от кого брать не буду; за подчиненными неусыпное смотрение иметь обещаю, дабы они, обще со мной, должность свою исправно и радельно исполняли и отправляли [Там же, с. 78–79].

Здесь можно наблюдать не только становление отдельного вида государственной службы, но и подтверждение полного перехода арестантов на государственное обеспечение, которое окончательно оформилось именно при Екатерине II. Главные требования к личным качествам надзирателя, которые перечисляет в своей работе Говард, – *честность, деятельность и гуманность* [Howard, p. 25], – на наш взгляд, учтены в проекте в полной мере.

Нами не ставится цель определить, насколько труды Говарда стали первоисточником для документа Екатерины II, но авторам, всерьез обратившимся к этим вопросам, предлагаем поразмыслить над следующим. Мы обозначили общие места проекта и предложений Говарда из книги «Состояние тюрем». Но если говорить о базовых

принципах, под которые пенология XIX столетия подвела понятие «система Говарда», то основными ее столпами называют *труд* и *религию*. Знаменитое «сделайте людей трудолюбивыми, и вы сделаете их честными» выражает основной посыл предложений Говарда: если тюрьма должна стать местом исправления, то приучение к труду и соблюдение норм религии – основные его средства. Реформатор призывал к расширению компетенций тюремного священника, главный акцент считал необходимым делать не на соблюдении формальной обрядовой деятельности, а на ведении нравственных «покаянных» бесед, чтобы пробудить у арестантов голос совести и желание изменить свою жизнь. Первый биограф Говарда подчеркивал, как фанатично филантроп настаивал на приложении «всех усилий для спасения души от гибели», на поиске «надлежащих средств лечения, которые, должным образом примененные, восстановят большую долю наихудших случаев душевного повреждения» [Aikin, p. 52]. Труд в качестве «средства лечения» Говард рекомендовал в основном для брайдуэллеров, так как в тюрьмах отдавал предпочтение одиночному режиму содержания. Городским властям реформатор предлагал вменить в обязанность не только обеспечение исправительных домов постоянной работой, но и заботу о реализации продукции с целью по возможности выйти на самообеспечение, а часть заработанных средств направить на улучшение питания, ремонт помещений и т. п. [Howard, p. 38].

В проекте Екатерины II этим принципам внимание практически не уделено. В двух параграфах, регламентирующих содержание ссыльных и каторжных, указано:

Смотреть, чтобы приговоренные к ссылке и к работе привыкшие люди, пока сошлют куда следует, праздны не были; но всяк по полу и состоянию своему обращался бы в сходственной ему работе (§ 48).

Смотреть накрепко, чтобы на каторге осужденные, кроме нужного человеку времени для сна и пищи, отнюдь праздно не были, но обращались бы в непрерывной работе (§ 55) [цит. по: Филиппов, с. 73, 75].

Однако разъяснений о характере труда, определения его корректирующих целей, устройства мастерских и проч. документом не было предусмотрено. В отношении религии, которой у англичанина уделено первостепенное внимание, лишь в одном параграфе отвлеченно сказано:

Содержанием да не отягчится судьба осужденного, власть на то имеющим судом по закону; но да устережется во время покаяния единственно от ухода и вреда. Покаяние же всяк учинит по обряду своей веры (§ 51) [Там же, с. 74].

Предположим, что если бы проект Екатерины II изначально был плодом несбыточных фантазий, который она создавала для своей «рекламы», то параллелей с системой Говарда могло быть намного больше. Содержание документа выдает в императрице реформатора-прагматика, государственника и хозяйственника. Не случайно на рукописи проекта Филиппов обнаружил надпись:

Отдать сей проект губернскому прокурору на прочтение с тем, чтобы он оного сообразил с локальным состоянием здешнего замка, осматривая оного все место, и сказал, чего находит или не находит удобного в действительном исполнении, и чего недостаточно и в чем лучше или хуже противу теперешнего содержания злосчастных. 10 марта 1788 года [Филиппов, с. 64].

Таким образом, предусмотрев профессиональную оценку документа, Екатерина II действовала вдумчиво и осторожно, опасаясь «мертворожденного проектирования», она обратилась к практикам.

Императрица понимала, что пока не налажена административно-хозяйственная часть, не создана настоящая государственная служба, не решены бытовые проблемы содержания, обмундирования и питания арестантов, говорить о нравственном исправлении или проектировать тюремные церкви несколько преждевременно. Такое обстоятельство подтвердила сама история уже при внучке Екатерины Александре I. В 1817 г. в Россию прибыл англичанин В. Веннинг с целью «домогаться о распространении в России принципов, господствовавших в английском тюремном обществе» [Никитин, с. 10]. В «Записке, содержащей в себе общие замечания о лучшем содержании тюрем», представленной российскому императору, молодой реформатор предложил организовать тюремную благотворительность в России на принципах лондонского общества, «великая цель» которого состояла в том,

...чтобы исправлять преступников средствами, внушаемыми человеколюбием, то есть разлучать их с прежними сообщниками, отделять ожесточенных и упорствующих от подающих надежду к исправлению, приучать их к трудам, наставлять в разных рукоделиях; преподавать им правила религии, снабжать исправившихся нужными видами и одобрением для вступления опять в общество честных людей и доставлять средства к пропитанию по истечении назначенного их заточению времени [Там же, с. 14].

Веннинг особо подчеркнул, что предлагаемая им система в целом была разработана достопочтенным его соотечественником Говардом, чьи благодетельные труды «могла прекратить едина смерть», но и при жизни его усилия были тщетны, а великое дело не имело успеха. Однако реформатор был искренне убежден, что ему довелось жить в «то счастливое время, когда Божественная теплота, согревшая

столь сильно сердце его, обратилась в великое пламя, оживотворила многих», и опыт духовного попечения о заключенных через «общества благомыслящих людей» распространится сначала в Англии, а потом и в других странах [Никитин, с. 14].

Принципы, изложенные в «Записке», послужили фундаментом к разработке «Правил для Попечительного общества о тюрьмах», которые были высочайше утверждены Александром I 19 июля 1819 г. [ПСЗ-1, т. 36, № 27895]. По первоначальному замыслу члены российского общества должны были направить основные усилия на *нравственное исправление* содержащихся под стражей. Однако, по свидетельству В. Никитина, подготовившего первый исторический обзор становления российского общества, ситуация была далека от идеала:

Вместо преследования заданной ему специальной задачи – пеших лишь о моральном исправлении заключенных с первого же приступа к ним – принялось (общество. – С. В.) улучшать материальное их положение по той, естественной, разумеется, причине, что, столкнувшись с незнакомой действительностью, общество убедилось в том, что никакое благоприятное влияние на заключенных немислимо до тех пор, покуда они будут жить в смрадных, холодных и сырых казематах, в тесноте, впроголодь и подвергаться при том же истязаниям рогатками, цепями и стульями [Никитин, с. 29–30].

Стало очевидно, что вопросы, вставшие перед первым российским обществом, невозможно решить без активного государственного вмешательства: организация нравственных программ и духовного попечения о заключенных в условиях нереформированных российских тюрем представлялась нереальной задачей. Возможно, государственный ум Екатерины II просчитывал ситуацию наперед, и императрица предусмотрительно решила начать реформу с изменения условий содержания и создания такой тюрьмы, в которой применение вышеобозначенных средств исправления стало бы возможным.

«Устав о тюрьмах», как и большинство положений наказа, затрагивающих тюремную сферу, не получил силу закона. Скорее всего, Екатерина II к этому и не стремилась. Она лишь определила «правила игры» для ключевых звеньев управления, сформулировав много идей, которые были новыми и еще не освоенными не только в России. Зарубежные исследователи истории пенитенциарной мысли аргументированно доказали, что принципы новой парадигмы уголовной политики, базирующейся на идее исправления и ресоциализации осужденного, не принадлежали авторству Говарда, а являлись определенным интеллектуальным трендом, встречаясь в трудах многих европейских просветителей. Первому пенологу, как позиционирует английского филантропа современная пенитенциарная наука, принадлежит скорее заслуга их обобщения, систематизации и популяризации. О резонансном эффекте его труда «Состояние тюрем в Англии

и Уэльсе» можно сказать словами самой Екатерины, которыми она охарактеризовала значение работ Монтескьё в письме к Д'Аламберу: «Вот, государь мой, образчик судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей: он служит для благосостояния человеческого рода» [Собственноручное черновое письмо Екатерины II, с. 31]. Но если Дж. Говард не был первым в своем отечестве, то императрица Екатерина II, вне всяких сомнений, вполне может считаться таковой в истории российской пенитенциарной мысли. Американский философ А. Лавджой убежден в том, что «кажущаяся новизна многих систем достигается исключительно за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» [Лавджой, с. 10]. История развития европейских и отечественных пенитенциарных идей и проектов прошла долгий путь, прежде чем эти элементы сложились в национальные, а после и международные пенитенциарные реформы, растянувшиеся на весь XIX век.

Список литературы

- Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с.
- Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. 2-е изд., пересмотр. М. : Госюриздат, 1951. Т. 1. 1762–1825. 328 с.
- Исаев М. М.* К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права : доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М. : Тип. Воен.-юридич. акад., 1947. 36 с.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия. История идеи. М. : Дом интеллект. книги, 2001. 376 с.
- Левенсон П. Я.* Беккариа и Бентам : Их жизнь и общественная деятельность. СПб. : Обществ. польза, 1893. 94 с.
- Марасинова Е. Н.* Наказание покаянием в России XVIII в.: церковные практики на службе у светского государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 5. С. 87–111.
- Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка : Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. СПб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880. 674 с.
- Омельченко О. А.* Власть и закон в России XVIII в. М. : МГИУ, 2004. 604 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 17, 18, 20, 21, 36.
- Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Д'Аламберу с похвалами сочинения Монтескьё и уверением, что сочинения Д'Аламбера послужат на благо человечеству // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1872. С. 29–31.
- Упоров И. В.* Тюремное дело в России второй половины XVIII в.: концептуальные идеи и проекты // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–6. С. 24–28.
- Филитов М. А.* Тюрьмы в России : Собственноручный проект Екатерины II // Рус. старина. 1873. Вып. 7. С. 60–87.
- Фойницкий И. Я.* Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. М. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1889. 504 с.
- Шурухов Н. Г.* Тюрьмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 1. С. 71–82. DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71–82.

Aikin J. A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard. Philadelphia : Printed for John Ormrod, by W. W. Woodward, 1794. 196 p.

Bray T. An Essay towards the Reformation of Newgate, and the Other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe : From Original and Authentic Documents / publ. by H. Dixon. N. Y. : R. Carter & Brothers, 1850. P. 33–41.

Hardman Ph. J. The Origins of Late Eighteenth-Century Prison Reform in England : PhD Thesis. [Sheffield] : Univ. of Sheffield, 2007. 236 p.

Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. L. : J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792. 540 p.

Memoirs of John Howard, esq. F. R. S., the Christian Philanthropist : with a detail of his most Extraordinary Labours in the cause of Benevolence ; and a brief account of the prisons, hospitals, schools, lazarettoes, and other public institutions he visited / by T. Taylor. 2nd ed. L. : John Hatchard and Son, 1836. 504 p.

Memoirs of the Public and Private Life of John Howard, the Philanthropist: compiled from his own diary, in the possession of his family; his confidential letters; the communication of his surviving relatives and friends; and other authentic sources of information / by B. J. Brown. L. : Printed for Rest Fenner, Paternoster-row, 1818. 690 p.

The Life of John Howard; with Comments on His Character and Philanthropic Labours / by the rev. J. Field, M. A. L. : Longman, Brown, Green, Longmans, 1850. 495 p.

Webb S., Webb B. English Prisons under Local Government. L. ; N. Y. : Longmans, Green & Company, 1922. 261 p.

References

Aikin, J. (1794). A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard. Philadelphia, Printed for John Ormrod, by W.W. Woodward. 196 p.

Beccaria C. (2004). *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, INFRA-M. 184 p.

Bray, T. (1850). An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London. In Dixon, H. (Ed.). *John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents*. N. Y.. R. Carter & Brothers, pp. 33–41.

Brown, B. J. (Ed). (1818). Memoirs of the Public and Private Life of John Howard, the Philanthropist: compiled from his own diary, in the possession of his family; his confidential letters; the communication of his surviving relatives and friends; and other authentic sources of information. L., Printed for Rest Fenner, Paternoster-row. 690 p.

Field, J. (Ed). (1850). *The Life of John Howard; with Comments on His Character and Philanthropic Labours*. L., Longman, Brown, Green, Longmans. 495 p.

Filippov, M. A. (1873). Tyur'my v Rossii. Sobstvennoruchnyi proekt Ekateriny II [Russian Prisons. The Handwritten Plan of Catherine II]. In *Russkaya starina*. Iss. 7, pp. 60–87.

Foinitskii, I. Ya. (1889). *Uchenie o nakazaniyakh v svyazi s tyur'movedeniem* [The Doctrine of Punishments in Connection with Penology]. Moscow, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya (A. Benke). 504 p.

Gernet, M. N. (1951). *Istoriya tsarskoi tyur'my v 5 t.* [A History of the Tsar's Prison]. 2nd Ed. Moscow, Gosyurizdat. Vol. 1. 1762–1825. 328 p.

Hardman, Ph. J. (2007). *The Origins of Late Eighteenth-Century Prison Reform in England* : PhD Thesis. [Sheffield], University of Sheffield. 236 p.

Howard, J. (1792). *The State of the Prisons in England and Wales*. L., J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell. 540 p.

Isaev, M. M. (1947). *K voprosu o politicheskoi otsenke idei klassicheskoi shkoly ugolovnogo prava. Doklad, sdelannyi v Voенno-yuridicheskoi akademii v aprele 1946 g.* [On the Issue of the Political Assessment of the Ideas of the Classical School of Criminal Law. Report Made at the Military Law Academy in April 1946]. Moscow, Tipografiya Voенno-yuridicheskoi akademii. 36 p.

Levenson, P. (1893). *Bekkariya i Bentam. Ikh zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'* [Beccaria and Bentham. Life and Social Activities]. St Petersburg, Obshchestvennaya pol'za. 94 p.

Lovejoy, A. (2001). *Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei* [The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. 376 p.

Marasinova, E. N. (2016). Nakazanie pokayaniem v Rossii XVIII v.: tserkovnye praktiki na sluzhbe u svetskogo gosudarstva [Punishment by Penance in Eighteenth-Century Russia: Church Practices in the Service of a Secular State]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. No. 5, pp. 87–111.

Nikitin, V. N. (1880). *Tyur'ma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoie polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobodhdennykh iz-pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my do nashikh dnei. 1560–1880* [Prison and Deportation. The Historical, Legislative, Administrative, and Domestic Situation of Prisoners, the Transit of Prisoners, Their Children and Those Released from Custody, from the Time of the Emergence of the Russian Prison to the Present Day. 1560–1880]. St Petersburg, Tip. G. Shparvart. 674 p.

Omel'chenko, O. A. (2004). *Vlast' i zakon v Rossii XVIII v.* [Power and Law in Eighteenth-Century Russia]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi industrial'nyi universitet. 604 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 17, 18, 20, 21, 36.

Shurukhnov, N. G. (2021). Tyur'my Rossii po sobstvennoruchnomu proektu imperatritsy Ekateriny II 1787 goda (kratkii retrospektivnyi obzor) [Russian Prisons according to the Handwritten Plan of Empress Catherine II from 1787 (a Brief Retrospective Review)]. In *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. Vol. 29. No. 1, pp. 71–82. DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71–82.

Sobstvennoruchnoe chernovoe pis'mo Ekateriny II k D'Alambergu s pokhvalami sochineniya Montesk'e i uvereniem, chto sochineniya D'Alamberta posluzhat na blago chelovechestvu [A Handwritten Draft Letter from Catherine II to D'Alembert with Praise of Montesquieu's Works and Assurance that D'Alembert's Works Would Serve for the Benefit of Humanity]. (1872). In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 10. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, pp. 29–31.

Taylor, T. (Ed). (1836). *Memoirs of John Howard, esq. F. R. S., the Christian Philanthropist : with a detail of his most Extraordinary Labours in the cause of Benevolence ; and a brief account of the prisons, hospitals, schools, lazarettoes, and other public institutions he visited*. L., John Hatchard and Son. 504 p.

Uporov, I. V. (2016). Tyuremnoe delo v Rossii vtoroi poloviny XVIII v.: kontseptual'nye idei i proekty [Prison Management in Russia of the Second Half of the Eighteenth Century: Conceptual Ideas and Projects]. In *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. No. 6–6, pp. 24–28.

Webb, S., Webb, B. (1922). *English Prisons under Local Government*. L., N. Y., Longmans, Green & Company. 261 p.

The article was submitted on 19.05.2021